

Я решил представить Ивана Кирилловича Кузьмичёва справкой, взятой с сайта сетевой энциклопедии ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ, где представлены биографические данные 16552 выдающихся учёных и специалистов. Только добавлю, что он родился в деревне Клюкино Семёновского района Нижегородской области 3 августа 1923 года. Учёная степень: доктор филологических наук. Ученое звание: профессор. Научное направление: филологические науки. Преподаваемые дисциплины: Теория литературы; История русской литературы XX века; История эстетических учений; Проблемы методологии литературоведения XX века (спецкурс); Актуальные проблемы современного литературоведения (спецкурс). Тема диссертации «Жанры русской литературы военных лет (1941–1945)». Область научных интересов: русская филология. И.К. Кузьмичёв — участник Великой Отечественной войны (1941–1945). Окончил филологический факультет Горьковского педагогического института в 1959 г. с отличием по специальности «русский язык и литература». Доктор филологических наук (1967), профессор кафедры русской советской литературы и историко-филологического факультета ННГУ (1968), декан историко-филологического факультета (1962–1964), заведующий кафедрой русской советской литературы (1968–1989), профессор кафедры русской литературы XX века (1990), член Головного совета РФ по филологическим наукам, член специализированного совета Д 063.78.03 по филологии при Уральском университете, член совета Д 212.166.02 при ННГУ, член Союза писателей РФ (1976), Заслуженный деятель науки РФ (1983). Читал курсы истории и теории русской литературы в Варшавском университете (1967–1969). И. К. Кузьмичёв — лауреат Премии города Нижнего Новгорода за «Социально-культурный проект «Горьковские чтения» (сентябрь 2006 г.).

Научные публикации: Жанры русской литературы военных лет (1941–1945), 1962; Николай Кошин: Очерк творчества, 1972; Герой и народ: раздумья о судьбах эпопеи, 1973; М. Горький и художественный прогресс, 1975; «На дне» М. Горького: Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике, 1981; Литература и нравственное воспитание личности; Литературные перекрестки: Типология жанров, их историческая судьба, 1983; Боль памяти: Великая Отечественная война в советской литературе, 1985; Нравственная основа советской литературы: Книга для учителя, 1986; Волшебный кристалл: соцреализм сегодня и завтра, 1987 (в соавторстве с проф. Ершовым Л. Ф.); Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть: (Эстетика Киевской Руси), 1990; Введение в эстетику художественного сознания, 1995; Литературоведение XX века. Кризис методологии, 1999; Введение в общее литературоведение XXI века, 2001; Последние дни Горького, 2006.

Валерий Сдобняков. Иван Кириллович, вот уже долгое время вы меня расспрашиваете о моей жизни и творчестве, собираясь обо всём этом написать книгу. Но мне, в свою очередь, хочется и вам задать ряд вопросов. Как знатока русской литературы вообще, и нижегородской в частности, за которой вы пристально следите многие десятилетия, вас почему-то особенно заинтересовали мои книги. Почему вдруг вы обратили на мои произведения внимание?

И.К. В этом я не виноват, вы виноваты, как автор огромного количества интересных публикаций.

В.С. Но с чего-то ваш интерес возник. Вы прочли какие-то книги?

И.К. У вас столько произведений — в их количестве вы сами, наверное, запутались. Огромное количество.

В.С. Честно говоря — не считал.

И.К. Я просто-напросто поражён объёмом вами написанного. Удивительно!

В.С. Первые мои значительные публикации — это повесть «Мост» в коллективном сборнике «Современник — 88», повести, рассказы и очерки в книге «Искушение» 1999 года — тогда произведения из этих книг вас не заинтересовали, были вами пропущены? А я тем временем продолжал работать, писались статьи, очерки, выходили книги прозы, сборники литературно-критических заметок...

И.К. По делу-то вас сейчас надо на руках носить за проделанную гигантскую работу. Я даже не знаю никого примерно, кого бы можно было рядом с вами поставить. Разве только... Нет, не найдётся нынче никого.

В.С. Да ведь так же, как и я когда-то, так и сейчас кто-то пишет, только его никто не знает. Увидим результат его трудов через определённое время.

И.К. Так-то оно, конечно, так...

В.С. Давайте перейдём к конкретным моим книгам. Вы читали книгу «Лестница»?

И.К. Да.

В.С. Там есть повесть «И воздастся по делам нашим». Изначально она называлась «Мост», но затем я её переработал, устранив определённые технические недостатки. Как вам кажется — это произведение не потерялось со временем? Ведь с середины 80-х годов прошлого века, когда она была написана, прошло не одно десятилетие.

И.К. Отлично кажется! Отлично!

В.С. Когда я её перечитывал перед публикацией, мне казалось (первоначально), что она написана языком «поспешным», сюжет её довольно динамичный и повод для описываемого конфликта не очень-то обоснованный. А вот сейчас понимаю, что для сегодняшнего времени она как раз оказалась написанной в современном ключе, и конфликт вполне достоверный для основы сюжета. Вам не показалось, что стиль и сюжет повести устарел?

И.К. Совершенно не показалось. Удивительно показалось! Нет-нет, это одна из лучших ваших книг. Потом, с точки зрения технической она очень хорошо сделана, и разнообразие тем, сюжетов, жанров помещённых в книгу произведений её только украшает. Это надолго. Книга не пропадёт. Она уникальная со всех сторон.

В.С. Обратимся к публицистическим моим книгам. Вас что-то особенное в них заинтересовало?

И.К. Знаете что — в ваших книгах «Записки истерзанного времени» и «Когда душа плачет» ни одного промаха не нашёл. Исключительно всё интересно, неожиданно, точно. У вас каждая глава, каждая часть имеет собственное содержание. И они вместе — как букет цветов. Дай Бог, чтобы таких книжек было побольше. И ведь всё в них — чистая правда. Наше время действительно истерзано. Это исключительно содержательно. Просто необыкновенно.

В.С. В эти два издания вошли статьи, которые до этого довольно много публиковались в разных газетах и журналах, но ни в одну мою книгу никогда не входили. Это, можно сказать, «материалы из отвала», из отработанного и убранный в сторону, забытого, побочного. Но прошло время, и это вроде бы оказалось интересно — как непосредственный

анализ прошедшего времени, как публицистический дневник, как удостоверяющие документы таких непростых прошедших событий.

И.К. Очень важно. Эти издания собрали много интересного, что было до того рассеяно на газетных страницах, в журналах... Но те публикации совсем другое дело... А это книжки. Нет, вы сделали очень большую работу.

В.С. Получился некий диагноз странному, пережитому нами общественному и социальному катаклизму. Общественный диагноз — так мне кажется.

И.К. Можно и так сказать. Времена сложные, мутные. И притом вы последовательно всё оцениваете, прослеживаете. По-моему, ничего подобного у нас в Нижнем Новгороде не было. Начиная с Н.И. Кочина. В то время так и не писали, да и не напечатали бы никогда.

В.С. О политических и социальных проблемах, уверен, и в то время между собой говорили, о них спорили. Но всё это проходило не в публичном пространстве. Ни одна газета откровенные размышления, оценки опубликовать бы не решилась, потому, вероятно, и не писали. В итоге советский период, с точки зрения публицистики, оказался не отражён, не осмыслен... Но вернёмся к моим книгам, в частности, к сборнику литературных статей «Когда душа плачет». Эта книжка не была вам популярна — как серьёзному литературоведу, критику, профессору-филологу.

И.К. Самое любопытное — вы не повторяетесь. У вас каждая книжка имеет свою собственную цену, свой профессиональный, эстетический вес.

В.С. В эту книжку собраны статьи, литературные очерки, воспоминания. Но далеко не всё мною написанное и опубликованное в неё вошло.

И.К. Дело в том, что у вас море публикаций. В этих книжках всё в новинку.

В.С. В сборнике «Когда душа плачет» есть раздел «В мире слепых сердец. Ответы недругам». Он вас не «карябнул», не возмутила моя полемика с некоторыми литераторами?

И.К. Напротив! Как вам сказать — восторг. Отличная полемика. Потом — это же правда. Это всё в контексте времени.

В.С. Мне всегда казалось, что литератор обязан отвечать на те поступки, высказывания коллег, с которыми он не согласен, которые считает бесчестными. Это вопрос совести. Ты должен высказать своё мнение, а не прятаться по кустам, за углом. Исходя из такого принципа и были мною написаны те статьи, что вошли в раздел.

И.К. Потрясающая прямота! Принципиальная критика. Притом людей, которые — коллеги. Это здорово! Это хорошо. Одним словом — отображение действительно истерзанного времени.

В.С. Целый век терзание продолжается, второй пошёл... И конца этому не видно.

И.К. И конца не видно. Вы в этих статьях до конца искренни, правдивы, а это редкость в наши времена. Кстати сказать, писатели-то наши помалкивают. А у вас такая прямота, откровенное всё. Никакой выдумки, никакой лжи. Удивительно! При этом никакой пустоты нет. Каждая статья тему уточняет, развивает. Большое спасибо вам скажут будущие читатели.

В.С. Ой ли?

И.К. Что вы! Без всяких сомнений.

В.С. Давайте перейдём к книге, на сегодняшний день главной для меня — «Искры потухающих костров». Уж чего никогда не было в нижегородской литературе — это подобных дневниковых изданий.

И.К. По-моему, здесь у вас творческая вершина. Очень высокая! Совершенство! Удивительно хорошо читается. Это литература. Это искусство. Это очень хорошо, недосыгаемо. Вершинка. И знаете, Николай Васильевич Гоголь очень бы вас поддержал. Я имею в виду его «Мёртвые души». Только у вас — это такая любопытная современная нижегородская жизнь. Но блестяще отображённая. Это ваша вершина — мне так представляется. Невероятно сильное впечатление эта книга на меня произвела. С большим удовольствием прочитал. Всё это великолепное богатство в каком-то виде надо бы обобщить. Вообще обо всех ваших книгах рассказать. А их у вас сейчас около трёх десятков, не считая номеров журнала «Вертикаль. XXI век». Их ещё более шестидесяти книжек. И как тут с вами справиться — ума не приложу. А надо бы.

Вот помните свою книгу «В предчувствии Апокалипсиса»? Ни на что не похожая среди других книга. Она у меня до сих пор среди ваших изданий в числе первых. Исключительно хорошая. Не знаю, как всё это осмыслить. Попытаюсь. И если вам не будет противно, то попрошу вас мною написанное прочитать. Да, получается у вас, получается. Причём впечатление такое, что это всё не выдумка. Эту фразу я употребил в таком смысле, что это необычная художественная литература. Не фантазия, а правда. Нет ещё ей жанрового определения, жанровой характеристики — тут вы ни на кого из наших литераторов не похожи. И самое любопытное — не надоедаете, не повторяетесь. Я в жизни с таким писателем не встречался.

В.С. Вы за свою жизнь таких писателей видели, о таких книгах писали!

И.К. Вот ваша книга «Возвращение» — не Бог весть что в ней собрано, а затягивает своим совершенно самостоятельным взглядом на прошедшее и происходящее, оценками этих времён... Одну из первых прочитал у вас «В предчувствии Апокалипсиса». Очень сильная книга — вы сумели новую литературную форму представить. Такого нигде нет. В «Искрах потухающих костров» вы с Н.В. Гоголем спорите, противопоставляете его мёртвым душам своих живых. Что ни книжка — то какое-то открытие... «Спротивление нелюбви» — другая достойная книга. Нет, я в восторге от ваших трудов.

В.С. Спасибо, для всякого пишущего человека такая оценка важна, а от специалиста-учёного, критика — тем более.

И.К. Только бы мне управиться. Вас ведь даже не перескажешь. А как названия-то ваших книг складывались? «Душа живая», «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени», «Искры потухающих костров. Мир немислимых скитаний», «Искры потухающих костров. Под далёким небом», «За тайной гранью»...

В.С. Когда завершал книгу, названия вроде бы сами являлись.

И.К. Неожиданно? Вот «Возвращение» — прекрасное название.

В.С. Имелось в виду возвращение к истинно русским ценностям.

И.К. Вот оно что!.. Даже я не знаю — как это у вас получается. Без вашей помощи я не смогу о вашем творчестве написать. Вас ещё оценят, потому что создали что-то необыкновенное.

В.С. Спасибо, Иван Кириллович, за добрые слова.

И.К. Ну что вы, это вам спасибо. Вот уже два года занимаюсь вами, и мне это нравится. Вы мне не наскучили. Дай вам Бог закончить всё начатое. Может быть, и я сумею книгу о вас написать... Спасибо вам за эту беседу, она мне должна помочь в работе над книгой о вами написанном и вами пережитом.